

Литературная Страница

НА КОНКУРС „50 ЛЕТ ВЛКСМ“

Но на этот раз произошло неожиданное. Снег был мокрым, поэтому, вероятно, тяжелым. А возможно, я не рассчитал бросок. Стекло лопнуло и посыпалось со звоном в междурамье. В проеме появилось на секунду испуганное лицо Лильки. Я виновато улыбнулся, но она как будто и не узнала меня. В то же мгновение кто-то жестко взял меня под локоть. Я повернул голову и увидел перед собой коренастого, седобрового дядьку...

Вторая моя встреча со Спиридоном Васильевичем тоже была не очень приятной. Лилька сказала, что родителей дома не будет. Жених старшей сестры Лильки принес две бутылки вина, магнитофон с записями твиста и каких-то других антимелодий, напоминающих обезьяньи вопли. И не то чтобы они нам нравились. Просто мы решили покривляться, не всегда же быть серьезными. За ганцами мы и не заметили, как вернулся Спиридон Васильевич. Скандала он не устроил, но прошел в другую комнату мимо нас как-то мрачно и устало. Лилька смутилась и выключила магнитофон. С тех пор я у нее дома не бывал. Встречались мы часто, но всегда

и увидел, что расплавленный металл хлещет через разрушенный порог, прыгая к моим ногам. Что произошло дальше — помнится плохо. Я бросился бежать, уронив метлу. Но почему-то остановился, в три прыжка вернулся обратно, схватил злополучную метлу и снова побежал — куда только глядят глаза. В общем, аварию ликвидировали без меня. После этого я ходил с неделей не в себе. Мне думалось, что меня поднимут на смех, нарисуют в стенгазете, будут разбирать на комсомольском собрании. Я даже пытался предугадать варианты насмешек. Самое обидное, если скажут: «Молодец! Во время аварии, рискуя своей жизнью, героически спас метлу!». Но насмешек не было. Меня тогда в суматохе, должно быть, не заметили. На всякий случай я избегал встреч и с Лилькой. И стыдно было, и мучительно.

Недели через три встретил ее возле проходной.

— Отца вот жду, встретить решила, — сказала она и покраснела. — А ты как поживаешь? Что-то давно не видно тебя...

— Сажу дома... В институт готовлюсь.

Мы снова стали встречаться с

основы». Посмотрим, однако. Я вытащил из кармана свежий номер заводской газеты «Металл». На первой странице был помещен мой фотопортрет. И напечатано внизу: «Подручный сталевара, комсомолец Владимир Красин поступил в этом году на первый курс горно-металлургического института. Владимир — человек высоких интеллектуальных запросов, он много читает, увлекается музыкой и поэзией. Свою трудовую вахту он посвящает 50-летию ВЛКСМ».

Насчет музыки и поэзии в газете, конечно, перегнули. А все остальное правильно. Надо бы эту газетку на пульте незначай оставить. Пусть Спиридон Васильевич почитает. Главное — пусть про институт узнает. Это ведь не на трубе играть при похоронах. И Лилька моя не права. В институт поступил — значит есть надо мной счастливая звезда.

ПЛАВКА подходила к концу. Я опустил синие стекла очков и глянул через смотровое оконце в печь. Оранжевые протуберанцы всплески уже не бушевали, как это бывает в начале плавки. Спиридон Васильевич убавил газ. Из огненной поверхности расплавленного металла выблуживали сотнями какие-то темные змеи. Они высоко поднимали головы, чуть изгибались, мгновенно ныряли обратно и выскакивали вновь еще выше. Вот бы посмотреть на эту картину моей Лильке, она любит все таинственное и красивое. Только работает она воспитательницей в детсады, не пускает ее на завод.

Спиридон Васильевич черпает длинной ложкой кипящий металл и вливает его в прямоугольный пробоотборный стакан.

— Приходи вечером в гости, — говорит он вдруг таким голосом как будто между нами никогда не было неприятных отношений.

Я молчу, не выказывая радости, потом говорю спокойно:

— Сегодня собрание комсомольское.

— После собрания... А сейчас давай, пробивай летку.

Я киваю, беру пику и шагаю вразвалку с первым подручным к сталевыпускному отверстию. Мне хочется подпрыгнуть, засмеяться, но я сдерживаюсь. Я ведь все-таки металлург, а не какой-нибудь там мальчишка. Первый подручный подмигивает мне. Вот, мол, и тебе доверили выпуск стали... Говорит, оглядываясь на Спиридона Васильевича:

— Помнишь как ты в первый день с метлой по цеху бежал? Смехота! Хотели мы подтрунить над тобой, да Спиридон Васильевич запретил. Сунул мне кулак под нос: де, не посмей даже заикнуться! Ты ведь, говорят, к его дочке того... сватаешься. Видел ее как-то, хорошая девка! Счастливы ты!

Я молчу и улыбаюсь. Хорошие они люди. Мы расквашиваем пику и пробиваем спекшийся магнетит. Оранжевая дуга падает с гулом на днище ковша. Тысячи пульсирующих малиновых звезд взлетают над ковшом. Звезды в ковше. Звезды, звезды... А может быть, это и есть мои счастливые звезды?

В. КЕРЖАК.
Линографюра П. ХНЫКИНА.

Левый берег, ул. Кирова, 97 (гостиница, 2-й этаж). Телефоны 3-38-04, 3-47-04 3-31-33, 3-07-98, 3-14-42.

А. ЛОЗНЕВОЙ

Где бы ни был

На Судетах глухих,
у скалистых Карпат
все мне виделось небо Урала.

Все мне чудилось — пихты шумят

под Уфой
на гряде перевала.

Все казалось:
в Магнитке моей —
по проспектам сквозным,
по бульварам,
вдоль седых тополиных аллей
я шагаю в ряду
сталеваров.

Где бы ни был —
всегда вспоминал
свой могучий
железный Урал.

Свой завод,
где в цехах мое счастье нутится,
и громами
в венах отдается.

ЕХАЛ ВРАГ

На задворках
у деревни нашей —
танк чужой
с расколотою башней.
Ехал враг

поля наши топтать.
Думал враг —
рабами можем стать.
Он стрелял в нас
пулей разрывною,
он хотел

нас раздавить броней.
Он хотел...
Он нынче также хочет...
Ржа
его машину точит.

БОЛЕЛЬЩИК.
Фото Е. Прокофьева.

Редантор Ю. А. ЛЕВИЦКИЙ.

Коллектив сортопркатного
цеха с глубоким прискорбием
извещает о трагической кончине
работницы вальцетокарного
отделения

ПЕТРУШКОВОЙ
Зои Александровны
и выражает соболезнование
семье и родственникам покойной.

Коллектив ЦЗЛАП выражает
соболезнование Яровому
Ф. К. по поводу смерти его
отца Кирилла Варфоломеевича.

ЗВЕЗДЫ В КОВШЕ

Рассказ

СОЛЕННЫЙ пот катился по моему лицу, губы потрескались от жары и угара, в глазах рябило. Суконная роба дымилась, подпекая грудь. Казалось, еще взмах лопатой — и я упаду. Но на лещади кессона нарастал бугор, закрывая путь газу. Надо было бросать туда силиций. Сталевар видел, что мы измотались. Он взял совковую лопату, зачерпнул из кучи тяжелую серую массу и вперевалку, но быстро подбежал к завалочному окну. Бросок Спиридона Васильевича был прицельным и точным. Он кричал и снова, и снова бросался в пекло, как будто пытался закрыть собой эту огненную пасть. Я старался подражать ему, но меня каждый раз обжигало и отбрасывало. Я задыхался от огня и бессилия, кидал силиций паугад.

— Довольно! — махнул рукавицей Спиридон Васильевич.

Он ушел на пульт, чтобы закрыть заслонку, а мы с первым подручным припали к баллончикам с газированной водой. Пил я долго и жадно, закрыв глаза, прислонившись плечом к швеллеру. Но и с закрытыми глазами виделся он, Спиридон Васильевич, с мохнатыми, седыми, слегка подпаленными бровями. От его колючих глаз не спрячешься и за каменной стеной. Нет, сталевар не придирался ко мне, не делал замечаний, но я чувствовал, что он присматривается, наверно, ищет самые слабые, уязвимые места, чтобы ударить меня посильнее.

В ПЕРВЫЕ с ним я столкнулся еще зимой, не зная, что он отец Лильки. Мне надо было вызвать Лильку из дома, билеты в кино уже лежали в моем кармане. Я слепил снежок и бросил его осторожно в окно третьего этажа. Лилька сама придумала этот условный знак. И все обходилось благополучно.

на улице, у кинотеатра или на квартирах моих друзей.

— Очень уж ты отцу моему не нравишься. Видно, нет над нами счастливой звезды, — вздохнула как-то Лилька.

Между прочим, и я не скрывал своей неприязни к Спиридону Васильевичу. Когда мы случайно встречались в городе, я проходил мимо с подчеркнутой рассеянностью, не здороваясь с ним. Однажды я даже набрался нахальства и позубоскал по его адресу. Дело в том, что он стоял впереди меня в очереди у газетного ларька. Я нарочно завел разговор о том, будто некоторые люди и газеты-то покупают лишь для того, чтобы завернуть в них макароны.

И вот... надо же было случиться такому! Когда я поступил работать в мартеновский цех, меня направили подручным не к кому-то, а именно к Спиридону Васильевичу. Увидев меня, он усмехнулся. Вернее, не усмехнулся, уголки его сжатых губ дрогнули, а в глазах появился огонек злобства и любопытства. Мол, посмотрим, что ты за гусь! На мартене за язык и умение дрыгать ногами в твисте не ценят.

ПЕРВЫЙ день работы оказался для меня более чем неудачным. Я крутился с метлой у печи, подметал пол, оглушенный ревом огня и металлическим клацаньем завалочной машины. Мне мнилось, что на мою голову должен обрушиться, как минимум, стотонный край или гигантский ковш с кипящим чугуном. Я трогательно воображал себя на больничной койке, видел карие, полные слез глаза Лильки. Из раздумья меня вывели крики и пронзительный свист первого подручного. Я оглянулся

Лилькой, но об аварии и своем бегстве я так и не сказал ей ничего. Через два-три месяца я пообвык, стал работать споро и ловко. Но иногда выдавались все-таки трудные смены.

В ОТ И СЕГОДНЯ завалочная машина во время откочки шлака сдвинула порог. Мульда прошла слишком низко. А плавка сидела высоко, ослепительно белый ручеек заструился, с каждой секундой нарастая и выбрасывая голубые, взрывающиеся, как шрапнельные снаряды, искры. Такой ручеек опасен, он моментально разест порог, не устоит перед ним даже и стальная плита. Тогда беда! Я крикнул и первым схватился за лопату. Всего полминуты бросали мы магнетит, хватая аварию за горло в самом зародыше. Но какими долгими показались эти тридцать секунд.

А после этот проклятый бугор у кессона. Невезучая смена. Но проба кажется хорошая. Я снова беру лопату, начинаю убирать шлак и наплывы. Спиридон Васильевич глянул на меня как-то особенно, с теплинкой. Впрочем, это могло показаться, ибо он тут же нахмурился, крикнул неопределенно и отошел.

Я в какой-то степени понимаю его. Старшая его дочь Надя, сестра моей Лильки, вышла замуж за того своего жениха. Он — музыкант-трубач, по вечерам в ресторане играет с оркестром, на похоронах подрабатывает, домой приходит частенько пьяным. Плохо Наде живется с ним. Лилька говорит, что разойдутся они.

— Основы в нем нету! — сердился Спиридон Васильевич, — И позор-то какой моим седином. На похоронах дудит в трубу, лишь бы червонец схватить.

Вероятно Спиридон Васильевич и меня принимал за «парня без

ПИШИТЕ, ЗВОНИТЕ, ПРИХОДИТЕ

НАШ АДРЕС